

Отрывок из «Бомбардировщик для бедняков»

В поезде я всегда сплю плохо, а тут еще рано утром будит проводница, предупреждая, что вскоре нам предстоят пограничные проверки.

Фирменный экспресс «Латвия» мчится в Ригу из Москвы наполовину пустым, давно миновали годы, когда он был набит битком командированным людом и туристами. Теперь в нем всего десяток вагонов, а поезд «Юрмала» вовсе отменили прошлой осенью из-за недостатка пассажиров.

В купе кроме меня едет лишь один попутчик, здоровенный плешивый мужик лет эдак тридцати пяти. К моменту появления официальных мундирных лиц он едва успевает вылезти из-под одеяла и облачиться в цветастый спортивный костюм, который идет ему, как корове седло.

Таможенники проводят осмотр достаточно вяло, но делают стойку на малиновый кожаный кейс моего попутчика, просят открыть. Наверняка ожидают увидеть пачки долларов. Однако внутри обнаруживаются лишь причиндалы для бритья и несколько книжек с аляповатыми обложками.

Вскоре после таможенников появляется долговязая девица в мундире российских погранвойск. Мой паспорт она не удостоивает особого внимания, зато старательно изучает документ моего попутчика.

У него паспорт латвийского негражданина нового образца, фиолетовый. Неграждане Латвии иронически именуют сей документ «паспорт с собаками», поскольку на гербе страны красуются изрядно недокормленные лев и грифон. Прежние, коричневые удостоверения неграждан настрогали в количестве миллиона, два года держали на складе, а когда начали выдавать, обнаружилось, что они не соответствуют международному паспортному стандарту.

Хотя поезд наполовину пуст, проверка заняла битый час, и столько же предстоит проторчать на латвийской границе, когда поезд пройдет перегон от Себежа до Зилупе.

Разжившись у проводницы стаканом дрянного растворимого кофе, я возвращаюсь в купе, заодно прихватив из коридора две газеты, торчащие в деревянном ящичке между окон.

Попутчик уже поднял дерматиновую штору на заедающей погнутой штанге, и за двойным вагонным стеклом, над холмистым горизонтом, висит в муаровой дымке прохладный солнечный блин. На днях здесь прошел теплый сектор циклона и обглодал снег без остатка, оголив чахлые перелески и жухлые луговины с глинистыми шрамами проселков.

Словом, пейзаж за окном не располагает к зачарованному созерцанию. Я достаю из портфеля бумажный мешок со вкусными пирожками из «Русского бистро», что на Тверской, и по вредной застарелой привычке совмещаю завтрак с чтением газет. Они, само собой, вчерашние, зато латвийские — «Русский голос» и «Labdien!», обе лидируют по тиражам и, соответственно, влиятельности. Чтобы мало-мальски освежить в памяти свой латышский, вначале пролистываю «Labdien!».

Не могу сказать, что читаю абсолютно свободно, но схватить суть напечатанного способен и без словаря. Запас выражений у репортеров официозной «Labdien!» лишь немногим больше, чем у Элочки-людоедки.

Прежде всего в глаза мне бросается здоровенная, на полторы полосы, статья о Курземском котле. Фамилия автора, доктора исторических наук, печально известна. В советские времена этот редкостный ублюдок соорудил капитальный труд о подвигах латышских стрелков. В свое время мне довелось читать его опус, продираясь сквозь чашу недомолвок, то и дело натываясь на беззастенчивую ложь. До сих пор помню ощущение жути, не раз накатывавшее над убористыми страницами. Ибо во время гражданской войны ленинские преторианцы из Латвии превратились в гвардию отборных карателей. Отмеченные на опубликованных в монографии картах, места их подвигов простирались вплоть до Урала. Они самым свирепым образом подавляли разрозненные восстания обобранных, голодающих крестьян до тех пор, пока на смену подразверстке не пришел налог. Они расстреливали пленных, выжигали деревни дотла. Эта неприглядная правда шилом торчала сквозь дерзкие ухищрения идеологически безупречного историка.

Позже, получив доступ к спецхрану, я почерпнул из книги одного израильского историка вторую половину правды. Например, когда утопили в крови восстание Антонова, лишь треть тамбовских крестьян имела дробовики, остальные шли на пулеметы карателей с вилами в руках. А в белорусских селах по сию пору бабушки пугают внучат: «Спи, неслух, не то латыш придет!»

После обретения Латвией независимости специалист по красным латышским стрелкам переквалифицировался в реабилитированного доктора наук, воспевающего героизм эсэсовских латышских легионеров. Естественно, ведь маслом теперь намазана другая сторона бутерброда. В начале статьи он мельком упоминает, что в Курземских боях 1944 года латыши сражались в составе обеих армий, и сталинской, и гитлеровской. Затем, по ходу текста, советская армия (радопји) как-то незаметно превращается в русскую (krievu). С гордостью засвидетельствован и подкреплен цитатой факт, что немецкое командование высоко ценило бойцов Латышского легиона «за их несгибаемое мужество, особенно в борьбе с русскими танками». Справедливости ради автор сообщает, что немцы

все же, к сожалению, подвели доблестных латышей, не сумев одержать победу в войне. Бравурная концовка статьи выражает надежду, что нынешние латвийские солдаты, в случае чего, будут сражаться не хуже своих отцов-легионеров.

Нигде не отмечено, что статья приурочена к восьмидесятилетию юбилею Рабоче-Крестьянской Красной Армии, ясно и так.

Прочие заметки ничем не лучше. Некогда козырявший своей объективностью, респектабельный “Labdien!” ныне приобрел явный коричневый оттенок. Не без омерзения отложив его, я допиваю кофе и берусь читать бывшую комсомольскую газету, которая в лучшие времена имела сотни тысяч подписчиков от Бреста до Камчатки. Теперь она сменила название и пережила крупный скандал с хитрой закулисной подоплекой, в результате которого часть редакции откололась и организовала сиропно-лояльный цветной еженедельник “Пятница”, выходящий мизерным тиражом.

Помимо аршинного поздравления с мужским праздником, “Русский голос” опубликовал на второй полосе пространное интервью со скандально известным подполковником, выходцем из Риги, подавшимся в российские политики. Интервью взяла у него в Москве Тамара Карпушкина, прозванная коллегами за глаза “нержавеющей леди”. Без сомнения, за то, что ее пламенные комсомольские убеждения за последние десять лет не подверглись ни малейшей коррозии.

В начале интервью подполковник заводит речь о режиме Каулиньша, каковой яростно бичует, пристегивая к нему хлесткие эпитеты, то “диктаторский”, то “фашистский”. Затем речь заходит о крохах из картотеки осведомителей КГБ, которые были не без юмора предоставлены некогда Россией в распоряжение латвийского правительства. Ребенку ясно, что активных и ценных сотрудников никто не собирался рассекречивать.

Подполковник с гневом отзывается о развязанной в Латвии охоте на ведьм и приводит в пример мудрое немецкое решение относительно бывших сексотов “Штази”, намекает на свою осведомленность относительно агентурной обстановки в Латвии, но вовремя прикусывает язык, сославшись на соображения секретности. Далее следует редкостный перл, наткнувшись на него, я едва удерживаюсь, чтобы не прыснуть от смеха.

Как бы невзначай Карпушкина подначивает:

— Недавно одна из оппозиционных московских газет сообщила о том, что президент Миервалдис Каулиньш является агентом российской разведки по кличке “Джувьетта”...

И бравый подполковник хвастливо заявляет:

— Я это знаю из других источников, но, повторяю, никаких конкретных фамилий предпочту не называть.

Представляю себе ликование корреспондентки, когда этот очаровательный прокол оказался записанным на кассету ее диктофона.

Впрочем, болтать можно что угодно, публиковать тоже, но попробуйте-ка докажите.

Сложенный пополам “Labdien!” лежит на столике возле моего локтя, на первой полосе красуется цветная фотография президента Каулиньша, единоличного латвийского диктатора. Он стоит на утыканной микрофонами трибуне, внешность у него карикатурная: тонкая шея, оттопыренные уши, острый скошенный подбородок. Текст под фотографией сообщает, что президент посетил очередной съезд возрожденной патриотической организации “Перконкрустс” и обратился к собравшимся с речью.

Из кармана висящего в изголовье пальто я достаю сигареты и зажигалку, встаю и натягиваю свитер, поскольку в нерабочем тамбуре довольно-таки прохладно.

— Вы позволите? — спрашивает мой попутчик, тыча пальцем в оставленный мной на столике “Русский голос”.

— Конечно, пожалуйста.

В коридоре пусто, в тамбуре ни души. Первая за день сигарета особенно крепка и душиста. Глубоко затягиваясь и пуская дым вдоль запотевшего окна, я размышляю о Миервалдисе Каулиньше по кличке “Джувьетта” и своем чрезвычайно щекотливом задании.

Не успел я вчера войти в свой кабинет сразу после девяти утра, шеф позвонил мне по телефону и хмуро велел зайти к нему. Судя по всему, он был крепко не в духе, в ответ на мое “Здравствуйте, товарищ генерал” лишь кивнул, и его лицо не озарилось обычной приветственной полуулыбкой.

— Садись, Володя, — проворчал шеф и придвинул ко мне лежавшую перед ним на столе красную папку. — Ознакомься.

В плотной папке для докладов обнаружили всего лишь два документа и конверт. Для начала я развернул сложенный пополам лист формата А3, оказавшийся переснятой на ксероксе полосой рижской газеты “Русский голос”, которую легко узнать по характерной, нарочито расхлябанной верстке, изобилующей так называемыми “сапогами”.

Отмеченная желтым флуоресцентным маркером статья в подвале четвертой полосы была мне знакома.

— Уже читал, — сообщил я, не спеша закрывать папку, и уточнил. — На прошлой неделе.

— А вчера это читал Сам, — невозмутимо молвил шеф.

Мне сразу вспомнилось, что президент питал слабость к этой газете, когда-то напечатавшей о нем первое интервью после опалы, которой он подвергся на пленуме ЦК.

Я еще раз взглянул на кричащий заголовок: “Черная звезда террора”, внизу стояла набранная полужирным шрифтом подпись Андрея Пугина. Парень работал в репортерском отделе и время от времени развлекался, публикуя всяческую небывальщину, явно высосанную из пальца. То интервью с безвестным ученым-уфологом, который уверяет, что летающие тарелки то и дело похищают людей по всему миру, то статейку о своей встрече с самым настоящим вурдалаком, который в целом славный парень, только гены и гормоны его подкузьмили, ну, и так далее, в том же духе.

Теперь вот он опубликовал интервью с человеком, который отрекомендовался как лидер некоей террористической организации “Черная звезда”.

В короткой преамбуле сообщалось, что в редакцию якобы позвонил какой-то аноним и предложил сенсационную новость. Встреча с корреспондентом произошла в темном подвале, с уймой ухищрений в целях предосторожности. В частности, Пугину завязали глаза прежде, чем он предстал перед главарем террористов. Короче, сущая оперетка.

Я бегло перечитываю статейку, начиная с середины.